

ченного игуменом монастыря Богородицы Елеусы в 1156 г. позволения воздержаться от раздела парических хозяйств в пользу последующего поколения зависимых крестьян монастыря⁴. Очевидно, лица, жаловавшие грамоты, исходили из того, что парические обязанности будут исполняться наследственно, т. е. иго парики являлось наследственным жребием феодально зависимого крестьянства. Освободиться от него можно было только при помощи специального разрешения, о чем свидетельствует судьба священника Модена и его зятя Михаила Воркина⁵ — пример XIV в., совершенно истолкованный автором монографии (с. 150).

Вместе с тем конкретный материал показывает, что в жизненной практике узы парической зависимости не поддерживались с должной устойчивостью. В рамках рассматриваемой концепции подобное положение объясняется условиями жизни париков, различающимися в зависимости от статуса феодального господина. В силу того что мелким светским феодалам жаловались определенные доходы, получаемые с зависимого крестьянства, число крестьянских хозяйств, находящихся в их владении, должно оставаться неизменным. «Избыточные» хозяйства, возникшие в результате естественного прироста населения, necessarily принадлежали феодалу. Напротив, монастыри, которым жаловались целые селения, получали их вместе с землями и обитателями в физическое владение. Поэтому парики, появившиеся в результате роста населения феодального владения сверх установленного числа, не изымались из его пределов (с. 156—158).

Подробно освещается широкий круг вопросов, касающихся землевладения, налогообложения и имущественной дифференциации крестьянства. Исследовательница приходит к выводу, что в условиях развитых классовых противоречий непосредственный производитель — земледелец, вынужденный нести непомерные для него издержки при возделывании зерновых культур, на своем поле ограничивался культивацией виноградников (с. 175). Права собственности зависимого крестьянина, присвоенные феодалом, сохранялись, как традиция, в рудиментарном виде. Экономически взаимоотношения феодала с париками выражались в заключении частноправовых соглашений, предусматривающих уплату в качестве подати доли урожая с пахотных участков (зевгарей) (с. 164). Высота телоса (государственного налога, делегированного феодалу) выступает как критерий имущественной дифференциации крестьянства (с. 180—181).

Уделяется внимание также вопросу об отчуждении и наследовании крестьянами их держаний. Собственно говоря, речь идет о гониконе, права распоряжения и наследования которым сохраняли парики-гоникарии. Наряду с тем утверж-

дается, что аналогичные права на наследственные владения, находившиеся в полной собственности, присущи крупным феодалам (с. 184). Трудно не заметить здесь прямого заблуждения, ибо владельческие права зависимого крестьянства уподобляются правам феодальных господ. На самом деле для основной массы крестьян обоснованием прав собственности на землю являлась наследственность держания. Гоникон же феодального владельца мог быть имуществом приобретенным⁶.

Говоря об обезземеливании крестьянства, исследовательница называет основные моменты этого процесса, типичные для поздней Византии. В первую очередь дарение париками мелких долей земли монастырям (с. 182). Предполагается, что парики стремились избавиться от своих парцелл с целью избежать налогового бремени (с. 185). Но лишенные необходимого минимума земли в результате дробного наследования, крестьяне приобретали ее, возделывали некультуривуемые участки земли и арендовали их (с. 196—197). В условиях малоземелья аренда пахотной земли становилась наиболее приемлемым выходом из создавшегося положения для большинства крестьянских хозяйств (с. 203). Однако приведенные факты не объясняют сами по себе сути процесса обезземеливания как одной из граней поземельных отношений поздневизантийского села. Безусловно, в XIII—XIV вв. масса надельных крестьянских земель перешла в руки феодалов. Но еще прежде феодальные землевладельцы, усиливая свой натиск на общину, лишили ее земельного резерва — неподеленных общинных владений, угодий. «Оскудение общины» привело к нарушению сложившейся системы землепользования общины: вновь образованные хозяйства не могли быть наделены дополнительными участками земли за счет неподеленного фонда земель. В то же время сохраняющая свои традиционные формы система наследования плодила малоземельные крестьянские хозяйства. Представители же господствующего класса использовали благоприятные условия для приобретения крестьянских наделов. Истощенное крестьянское хозяйство прибегало к продаже и аренде земли как к последнему средству продлить свое существование.

Остается только прибавить, что в разделе «Крестьянин и землевладелец» исследовательница излагает свои наблюдения об интегрирующих тенденциях обеднения различных групп парических хозяйств (с. 206), приводит новые аргументы против мальгузианской теории, ибо обеднение поздневизантийского села протекало в условиях уменьшения численности крестьянского населения (с. 208, 210). И наконец, анализируя характер рентных отношений, Лау-Томадакис убедительно раскрывает перед читателем феодальную природу ренты. Государством, присваивавшее наряду с налогом ренту, также выступало в качестве феодального

⁴ Notre-Dame, I, N VI, p. 32. 19—25.

⁵ Chil., N 14, 15.

⁶ BA, № 25.